

**Гуманитарная безопасность в ЮВА:
специфика, проблемы, подходы**

Гласер Марина Алексеевна

доктор философских наук, профессор НИУ ВШЭ, Россия, Москва,
mglasser@hse.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7069-4779>

Новик Николай Николаевич

кандидат экономических наук, научный сотрудник НИУ ВШЭ, Россия,
Москва, nnovik@hse.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9373-5246>

Аннотация: В статье рассмотрены параметры обеспечения гуманитарной безопасности (human security) в ЮВА. В ходе анализа трех систем – физической, биологической и социальной – выявлена специфика среды безопасности стран ЮВА. Исследована ситуация с вирусом COVID-19, сложности борьбы с ним и меры, принятые для этого. Вывод авторов заключается в том, что при сохранении нынешних тенденций формирования защищенности человека в странах ЮВА, решение проблем без укрепления регионального сотрудничества в рамках АСЕАН маловероятно.

Ключевые слова: безопасность человека, Юго-Восточная Азия, региональная интеграция, система здравоохранения, COVID-19, АСЕАН.

**Human Security In Southeast Asia:
Specificity, Problems, Approaches**

Marina A. Glaser

Doctor of Philosophy, Professor, NRU Higher School of Economics, Russia,
Moscow, <https://orcid.org/0000-0002-7069-4779>, mglasser@hse.ru

Nikolay N. Novik

PhD in Economics, Research Fellow, NRU Higher School of Economics,
Moscow, Russia, nnovik@hse.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9373-5246>

Abstract: The article discusses the parameters of human security in South-East Asia. The analysis of three systems – physical, biological and social – revealed the specifics of the security environment of the SEA countries. The situation with the COVID-19 virus, the difficulties it generates in the SEA countries. The authors conclude that in case the current trends continue, solving problems without strengthening regional cooperation within ASEAN is unlikely. But in order to translate this into reality, the Southeast Asian countries need to find a consensus on the ASEAN approach to human security.

Keywords: human security, Southeast Asia, regional integration, health system, COVID-19, ASEAN.

В начале XXI в. гуманитарная безопасность стала *глобальной нормой*. Это значит, что в международном сообществе есть консенсус, что отдельные лица, группы и государства имеют право на защиту от ущерба, а сторонние субъекты (иностранные государства и организации) могут и должны помогать им в обеспечении этой защиты. Различают обеспечение безопасности человека в условиях вооруженных конфликтов и в условиях мира, то есть устойчивую безопасность человека. Гуманитарная безопасность в условиях вооруженных конфликтов коррелируется с теориями справедливой войны, международным гуманитарным правом, концепциями гуманитарной интервенции, обязанности защищать, защитой гражданского населения, концепцией военно-гражданского взаимодействия. Устойчивая безопасность человека, рассчитанная на десятилетия, связана с обеспечением здравоохранения, гендерного равенства, продовольственной и экологической безопасности. Задачи обеспечения устойчивой безопасности человека отражены в Целях развития тысячелетия и в Повестке дня в области устойчивого развития ООН до 2030 г.

Юго-Восточная Азия (ЮВА), как и все мировое общество, не свободна от целого ряда угроз региональной безопасности, в ряду которых безопасность человека является одной самых серьезных. Несмотря на то, что в последние годы ЮВА развивается высокими темпами в условиях относительно стабильного мира, свойственного всему региону Восточной Азии, где начиная с 1979 г. не было «горячих войн» с участием национальных государств, список угроз гуманитарной безопасности в регионе огромен. С одной стороны, это может быть объяснено цивилизационной мозаичностью ЮВА. Многие исследователи рассматривают ЮВА как гетерогенный и разрозненный регион, где смесь языков и народов, религий, политик и экономик не дает возможности говорить об успешности взаимовыгодного сотрудничества¹. Кроме того, регион – зона столкновения всех основных мировых религий; сложно найти в нем и политическую идею, которая объединяла бы все страны ЮВА. С другой стороны, сама специфика среды безопасности ЮВА, окружений и условий, в которых существуют и взаимодействуют все акторы и компоненты региональной политики, от условий физических и цивилизационных до политических и экономических – инспирируют угрозы и риски безопасности человека².

Можно ли найти в таком случае оптимальный инструмент обеспечения безопасности в регионе, на чем он должен быть основан и какие иметь особенности?

Три системы гуманитарной безопасности в ЮВА

Среда безопасности ЮВА стала платформой классификации различных угроз безопасности человека. Они поделены на три системы, располагающиеся по принципу пересекающихся кругов³. *Первая система – физическая*: угрозы исходят от особенностей географического положения, ландшафта, выхода к мировому океану, связаны с природными процессами. Тихоокеанское огненное кольцо и евразийская сейсмозона провоцируют землетрясения и гигантские цунами. Тайфуны в Тихом океане и циклоны в Индийском часто опустошают прибрежные районы стран ЮВА. Изменения климата и вызванные этим наводнения и засухи могут нанести непоправимый ущерб сельскохозяйственному производству, сказавшись на продовольственной безопасности ЮВА. *Вторая система – биологическая*: угрозы исходят от биосферной специфики и биоразнообразия. К их числу относятся распространение инфекционных заболеваний и патогенов неясного генезиса. Основные заболевания, которые потребовали принятия срочных мер в ЮВА в силу их широко распространения – синдром приобретенного иммунодефицита (ВИЧ /СПИД), тяжелый острый респираторный синдром (ОРВИ) и птичий грипп. В ряде стран ЮВА в 2015–2016 гг. были зарегистрированы случаи заболевания коронавирусом MERS-CoV. *Третья система – социальная*: угрозы исходят непосредственно от политических и социальных институтов и самих людей – конфликты, терроризм, экономические кризисы, беженцы, мигранты. Именно в этой системе аккумулированы трудноразрешимые ключевые проблемы стран ЮВА: свойственная им исторически склонность к автократии в политической культуре, рост сепаратистских настроений и угроза терроризма на фоне общей исламизации в отдельных странах субрегиона, возрастающий разрыв между бедными и богатыми слоями населения. Добавим к этому нерешенный вопрос цивилизационной идентичности, дисбаланс между секуляризацией и постсекуляризмом, между рационализмом и иррационализмом, одновременную ориентацию на свободу и подчинение. Особенно остры эти проблемы на юге Филиппин, в индонезийской провинции Ачех и на юге

Таиланда. До сих пор дают о себе знать последствия конфликтов в Индокитае.

Очевидно, что все три системы связаны друг с другом: помощь жертвам стихийных бедствий зависит от качества социальных систем, в том числе от самопомощи на уровне местных сообществ, от качества экологической политики и эффективности гражданского строительства.

Физическая система гуманитарной безопасности

Рассмотрим цунами, обрушившееся на Индонезию в 2004 г., и тропический циклон Нургис 2008 г. в Мьянме как два парадигмальных кейса, обнажающих ключевые проблемы обеспечения гуманитарной безопасности в ее физической системе.

Магнитуда самого крупного в истории Индийского океана подводного землетрясения равнялась 9 по шкале Рихтера, мощность – 2×10^{25} эрг, что соответствует мощности десятка водородных бомб по 10 мегатонн. От 128 тыс. до 170 тыс. людей погибло, более 37 тыс. пропали без вести и более 500 тыс. оказались в числе перемещенных лиц⁴. Это привело к изменению существа современного гуманитаризма. Во-первых, невиданный международный индивидуальный отклик в 5,5 млрд долл. частных пожертвований привел к коллапсу транзакций, что стало поворотным пунктом в гуманитарной деятельности ООН. Организация перешла от спорадической материальной помощи пострадавшим странам, к рыночному программированию такой помощи и провела в 2005 г. реформу: был учрежден институт гуманитарного координатора и Централизованный фонд помощи в чрезвычайных ситуациях (*Central Emergency Response Fund*). Во-вторых, в ликвидации последствий широкомасштабное участие приняли военные разных стран, по данным СИПРИ – свои контингенты направили шестнадцать государств⁵. Одновременно в зоне бедствия действовали 14 учреждений ООН, 38 местных гуманитарных групп, 195 иностранных или международных организаций. Огромное количество акторов мешали друг другу, вопрос об эффективности военно-гражданского взаимодействия вновь, после югославских событий 1990-х гг., вызвал острые дискуссии. В результате на уровне ООН были пересмотрены принципы координации акторов, обеспечивающих гуманитарную безопасность в подобных ситуациях. В-третьих, неготовность местных властей к решению проблем обострила не только социальные

проблемы, но и повлияла на ход местных конфликтов. Сочетание конфликта в Аче и последствий цунами является примером пересечения различных аспектов гуманитарной безопасности – физической безопасности, прав человека, защиты человеческого достоинства, безопасности убеждений и верований и пр. До цунами Аче была «зоной военных действий», историей долгого и жестокого конфликта между Свободным движением Аче (*GAM* или *Gerakan Aceh Merdeka*), и индонезийскими службами безопасности. В 2004 г. люди в Аче пострадали сразу от двух типов бедствий – природной катастрофы и политического противостояния. Тем не менее, Аче стала счастливым исключением из нормы, в отличие от Шри-Ланки, где акторы не смогли договориться о распределении помощи и найти возможность для политического диалога. Цунами дало возможность для разрешения конфликта и начала процессов миростроительства в силу эффективного взаимодействия правительства, акторов урегулирования конфликта и наличия политической воли к диалогу.

Тропический циклон «Наргис» обрушившийся на южное побережье Мьянмы 2008 г. создал в этой стране и в ЮВА в целом, долгосрочные гуманитарные проблемы. Он унес жизни более 140 тыс. чел., а по ряду других оценок более 300 тыс человек⁶.

Циклон уничтожил 707,5 тыс. тонн запасов неочищенного и молотого риса, 85% всех семян, 37% всех садовых культур и 70% посевов в частных хозяйствах, были уничтожены 28% свиней, 52% уток, 30% коз и 45% кур⁷. В 11 наиболее пострадавших поселках только 227 420 тягловых животных (25% крупного рогатого скота) были потеряны⁸. Другие потери включали 38 тыс. га природных и пересаженных мангровых зарослей, более 63% рисовых полей и 43% всех пресноводных прудов. Это оказало разрушительное воздействие на окружающую среду провинций Иравади и Янгон, где местные средства к существованию зависят от природных ресурсов.

Циклон нанес большой ущерб инфраструктуре марикультуры. Было уничтожено около 1550 морских рыболовных судов, до 100 тыс. малых рыболовных судов внутреннего плавания (50% флота) и 70% всех орудий лова⁹. Примерно 800 тыс. людей были перемещены¹⁰.

«Наргис» имеет такое же парадигматическое, как цунами Индонезии, значение. Однако его смысл – в критике действий правительства Мьянмы по ликвидации последствий кризиса со стороны международного сообщества. «Наргис» показал, что национальные

правительства обязаны следовать гуманитарной безопасности как глобальной норме, а если не желают или не могут, то международное сообщество может действовать в нарушение суверенных прав государства. На фоне бездействия правительства перед лицом катастрофы, некоторые международные СМИ, политики и государства подняли вопрос о необходимости гуманитарного вмешательства и проведении Мьянме операции в рамках программы «ответственность защищать» (*Responsibility to Protect, R2P*). Одновременно незападные комментаторы, особенно в Азии, выступали против такой интерпретации международных гуманитарных обязательств. «Поэтому «Наргис» стал парадигматическим случаем противоречивых толкований суверенных прав во время чрезвычайных гуманитарных ситуаций»¹¹.

Отличия «Наргис» от индонезийского цунами заключаются в том, что невиданный экологический ущерб тайфуна усугубил общую ситуацию с гуманитарной безопасностью в стране. При этом не только правительство, но и гражданское общество Мьянмы не работали эффективно в пострадавших районах. Посткризисные расследования показали, что обширная зона уязвимости сложилась потому, что в общественном сознании отсутствовало понимание всей сложности проблемы. Между НПО и государственными агентствами отсутствовала координация действий, не было организовано обучение населения оказанию взаимопомощи, отсутствовало оперативное и долгосрочное планирование комплексных решений проблем безопасности человека¹². Однако устойчивость сообществ и солидарность людей, пострадавших от «Наргис», предотвратили самые страшные последствия.

Индонезийское цунами 2004 г. и «Наргис» 2008 г. подчеркнули взаимосвязь социального и экологического в обеспечении гуманитарной безопасности, необходимость грамотного политического руководства в ходе ликвидаций последствий стихийных бедствий.

Биологическая система гуманитарной безопасности

Проблема распространения инфекций и патогенов не является, разумеется, угрозой характерной исключительно для ЮВА, но именно здесь она приобретает особую опасность, спровоцированную средой безопасности субрегиона. Большинство стран ЮВА являются странами с низким и средним уровнем дохода, а тесная связь между безопасностью здравоохранения, бедностью и инфек-

ционными заболеваниями очевидна. Бедность часто становится причиной многих угроз безопасности человека, поэтому борьба с ней является приоритетной целью многих НПО в странах ЮВА.

ЮВА традиционно сталкивалась с проблемами здравоохранения и безопасности, например, вспышки атипичной пневмонии в 2003 г. и птичьего гриппа H5N1 в 2005–2006 гг. могли превратиться в пандемию регионального масштаба, если бы не принятые жесткие меры. Особенно нужно отметить в этой связи деятельность национальных обществ Красного Креста. Благодаря усилиям Красного Креста Камбоджи (ККК) удалось снизить масштабы распространения СПИДа¹³. С 1995 г. ККК осуществляет программы борьбы со СПИДом и реабилитации носителей ВИЧ-инфекции или больных СПИДом. Эти проекты касаются просветительской работы с наиболее уязвимыми категориями граждан и направлены на предотвращение заболеваний среди работников ночных баров, казино, полицейских, студентов и других. Проводятся специальные курсы обучения детей в школах. Кроме того, представители камбоджийского Красного Креста постоянно поддерживают детей, ставших сиротами из-за смерти одного или обоих родителей от СПИДа. Добровольцы ККК регулярно посещают больных, проходящих курс лечения в госпиталях, и оказывают им материальную и моральную поддержку. Программа охватывает большинство провинций – Бонтеймиентей, Кох Конг, Сиануквиль, Кампот, Прейвенг, Свайриенг, Сиенреап, Преахвихиа и другие.

В рамках программы по укреплению здоровья населения, предупреждению массовых инфекционных заболеваний и проведения санитарно-просветительской работы ККК определил конкретные меры для поддержания населения в самых бедных деревнях, особенно в отделенных провинциях: помощь в улучшении санитарно-гигиенических условий и профилактике других инфекционных заболеваний. Эта программа неразрывно связана с оказанием помощи семьям самых обездоленных и нуждающихся и сопрягается с одним из приоритетных направлений развития Камбоджи – борьбой с бедностью. Бригады ККК на регулярной основе совершают поездки по всей стране, оказывая материальную помощь тем, кто особенно в ней нуждается.

Со времен вспышки ЮВА коронавирусной инфекции MERS-CoV в 2015 г. стало очевидно, что крайне важно на национальном и региональном уровнях развивать системы раннего предупреждения катастроф, для того, чтобы избежать возможного кризиса в области

здравоохранения. Как сказал известный британский журналист по поводу лихорадки Эбола в 2014 г.: «шокирует осознание того, что крошечный вирус с помощью всего лишь нескольких генов можно разрушить семьи, сообщества, уничтожить национальную экономику и дестабилизировать целые регионы всего лишь за пару месяцев»¹⁴. Это стало особенно актуальным в ЮВА во время пандемии COVID-19.

Пандемия COVID-19 в ЮВА и проблемы гуманитарной безопасности

Большинство стран ЮВА, за исключением Сингапура и Вьетнама, вначале вяло реагировали на вирус, не приняли должных мер к сдерживанию распространения нового коронавируса. Соответственно, они готовятся сегодня к новому всплеску случаев COVID-19¹⁵. В середине апреля в Малайзии, Филиппинах и в Индонезии было зарегистрировано более 5000 известных случаев COVID-19, хотя истинное число, вероятно, намного выше¹⁶. Особенно сложно в Индонезии, самой густонаселенной стране субрегиона, там реальное число случаев заболевания остается неизвестным, тестирование население идет медленно. Даже в относительно благополучных странах ЮВА – Сингапуре и Вьетнаме, которые мобилизовали силы на борьбу с вирусом на ранней стадии его распространения, власти столкнулись с новым всплеском случаев заболевания¹⁷.

В январе, когда COVID-19 начал распространяться за пределы Китая, многие лидеры Юго-Восточной Азии игнорировали советы экспертов в области здравоохранения и недооценивали степень опасности вируса. Транспортное сообщение с Китаем приостанавливалось очень медленно, меры по социальному дистанцированию были приняты поздно. Лидер Мьянмы Аун Сан Су Чжи в середине марта заявила, что «никто в нашей стране не заражен COVID-19»¹⁸. Зау Хтай (*Zaw Htay*), официальный представитель правительства Мьянмы, добавил, что страна будет защищена от COVID-19 «образом жизни и рационом питания, свойственными жителям Мьянмы. Передача вируса от человека человеку является ключевым способом распространения вируса в западных странах. А в Мьянме нет обычая приветствовать друг друга рукопожатиями, объятиями или поцелуями, который существует в этих странах»¹⁹. Вскоре после таких высказываний правительство, тем не менее, признало наличие заболеваний COVID-19, но меры по его сдерживанию вводились слишком медленно и слишком поздно. Вспышки произошли в

Малайзии, Вьетнаме, Таиланде и в других местах. Двенадцатого апреля 2020 г. Индонезия сообщила о резком скачке случаев заболевания²⁰ Нетрудно спрогнозировать, что в результате, во-первых, уровень смертности от COVID-19 в ЮВА, вероятно, будет весьма высоким, в том числе из-за низкого качества систем здравоохранения в большинстве странах субрегиона. Индонезия уже имеет один из самых высоких показателей смертности, последовавшей в результате пандемии. Соответственно, ее соседи, за исключением Сингапура, могут быстро столкнуться с почти тотальным поражением своих систем здравоохранения²¹.

ЮВА, несомненно, пострадает в экономическом отношении. Страны, ориентированные на экспорт, такие как Сингапур, Малайзия, Таиланд и Вьетнам, зависят от глобальных и региональных торговых потоков и туризма. Уже сейчас некоторые из наиболее важных компаний, работающих в ЮВА, в том числе в таких ключевых секторах, как автомобилестроение, закрывают заводы и увольняют рабочих. Многие автозаводы в Таиланде, часто называемые «Детройтом Востока», работают с 30-процентной производительностью²². Туризм остановился по всему региону. Банк Таиланда прогнозирует, что в 2020 г. экономика королевства сократится более чем на 5 процентов²³. Инвесторы выводят свои деньги из Юго-Восточной Азии в пользу более безопасных активов, таких как казначейские облигации США. В марте стоимость валют стран ЮВА резко упала по отношению к доллару США. В немалой степени этому способствовала продажа инвесторами индонезийских облигаций на сумму более 7 млрд долл. США²⁴.

В странах азиатского юго-востока, где многие работники промышленности и туризма живут лишь немного выше черты бедности и не имеют гарантий занятости, последствия пандемии могут быть более, чем серьезны. По оценкам Всемирного банка, в худшем случае пандемия приведет к бедности 11 миллионов человек в Восточной Азии, больше всего пострадает население Камбоджи, Вьетнама и Таиланда, которые сильнее всего зависят от туризма и обрабатывающей промышленности²⁵. Это подтверждает прогнозы о том, что большая часть ЮВА может столкнуться с длительным спадом, схожим с азиатским финансовым кризисом конца 1990-х годов.

Очевидно, что в этой ситуации страны Юго-Восточной Азии должны быстро реагировать на возникшие экономические проблемы, но обладают ли они для этого достаточными ресурсами и инструментами: их лидеры не могут убедить более богатые страны

открыть свои границы для туристов, равно как покупать больше товаров, произведенных в государствах ЮВА. Но, правительства этих стран могут принимать внутренние меры. Например, к марту правительство Сингапура уже развернуло два основных пакета мер по восстановлению экономики. В свою очередь Индонезия приняла пакет мер стимулирования экономики на 24 млрд долл. и выпустила рассчитанные на 50 лет «пандемические облигации», что стало самым длинным траншем долговых обязательств, когда-либо выпущенных в Азии²⁶. Таиланд запустил крупный пакет мер стимулирования, включая денежные переводы²⁷. Малайзия приняла меры стимулирования на общую сумму почти 60 млрд долл., что составляет около 17% ВВП страны. Из этой суммы около 100 млрд ринггитов будет использовано для оказания помощи предприятиям, в основном малым и средним, в то время как еще 128 млрд ринггитов будут выделены на социальные нужды и поддержание благосостояния общества²⁸. Это превосходит меры, принятые Малайзией во время мирового финансового кризиса 2008 г., когда правительство передало 67 млрд ринггитов на восстановление экономики. Большое значение имеет и поддержка внутреннего потребления, стимулирование увеличения внутренних потребительских расходов, например, раздачей простых кредитов. Поэтому можно обоснованно ожидать: несмотря на тяжелый урон, страны ЮВА при поддержке мирового сообщества все же сумеют справиться с проблемами.

Социальная система и гуманитарная безопасность

Борьба с COVID-19 подтверждает взаимосвязь трех систем обеспечения гуманитарной безопасности в ЮВА: проблемы в одной из них неизбежно вызывают сбои в другой. Самой сложной системой является социальная. Хотя в целом в ЮВА наблюдается достаточно интенсивный структурный переход от аграрного типа хозяйствования к индустриальному, что влечёт за собой улучшение уровня жизни населения, этот процесс происходит территориально неравномерно. В регионе в целом ВВП на душу населения заметно возрос, хотя в некоторых странах, таких как Камбоджа, Лаос, Мьянма, он по-прежнему остаётся крайне низким.

Параллельно с преобразованиями в отраслевой структуре заметны и изменения в образе и качестве жизни населения в субрегионе. В период с 1960 по 2019 гг. было зафиксировано увеличение средней продолжительности жизни, растет число представителей

среднего класса. Общее число представителей среднего класса в Таиланде, Индонезии и на Филиппинах составит 196 млн по прогнозам на 2020 г. При этом в Индонезии их число будет равняться 85 млн, в Таиланде 17 млн и на Филиппинах 15 млн, но эта цифра может быть скорректирована в связи с COVID-19²⁹.

Модернизация общества во многом зависит от его возможности создавать новые институты, использовать и развивать продвинутое технологии, особенно в эпоху информатизации. Однако неравный доступ к образованию может привести к тому, что разрыв между слоями в обществе по гендерному, этническому, экономическому и другим основаниям будет увеличиваться. Подобная ситуация типична не только для стран, которые, как правило, считаются отстающими в ЮВА, таких как, Камбоджа, Лаос, Мьянма и Восточный Тимор, но и в их более развитых соседях, например, в отдалённых провинциях Малайзии, Индонезии, Вьетнама или Таиланда.

Среди прочих гуманитарных проблем, с которыми сталкиваются Юго-Восточная Азия в образовательной сфере можно также перечислить следующие: нехватка квалифицированного педагогического состава; нехватка экипированных и пригодных для обучения помещений; нехватка учебников и прочих развивающих и обучающих материалов; неравномерное распределение населения и географические особенности. Так, в Лаосе с населением порядка 5,5 млн около 4 000 деревень находятся в изоляции и не располагают начальными школами³⁰. За исключением Камбоджи и Мьянмы, где в подавляющем большинстве случаев образование обеспечивается государством, практически все страны региона создают условия для участия в решении этой проблемы частного сектора. При этом правительства наиболее активно развивающихся стран ЮВА значительную долю государственного бюджета тратят на сферу именно образования – в среднем это составляет порядка 18%³¹. Тайская образовательная система насчитывает порядка 38 331 образовательных учреждений и 15 млн учащихся, а около 2 млн получают образование в высших учебных заведениях³². Во Вьетнаме инвестиции в образовательный сектор с 1990 по 2000 гг. увеличилось с 8% до 15%. С 2000 по 2008 гг. количество студентов в высших учебных заведениях возросло до 1,66 млн. человек. Также достаточно высок процент студентов, которые могут позволить себе обучение за границей, на 2008 г. их число составило 25 тыс. человек.³³

По степени использования информационно-коммуникативных технологий в сфере образования страны Юго-Восточной Азии можно условно разделить на три группы. В первую группу входят Бруней, Малайзия и Сингапур, которые достаточно широко используют информационно-коммуникативные технологии. Вторую группу составляют Индонезия, Филиппины, Таиланд и Вьетнам, приступившие к почти повсеместному использованию информационно-коммуникативных технологий. Третья группа представлена Камбоджой, Лаосом, Мьянмой и Восточным Тимором, которые находятся на начальной стадии использования информационно-коммуникативных технологий в образовательном процессе.

Однако в целом решить многие социальные проблемы все же не удалось. Поток внутренних мигрантов из сельских местностей в города привёл к росту безработицы. «Sweatshops» с многочасовыми трудовыми днями, ужасными условиями труда и мизерными зарплатами фактически стали синонимом отрицательной стороны глобализации и во многом ассоциируются именно со странами ЮВА. Среди рабочих таких фабрик нередко встречаются дети, которые в попытке обеспечить свои семьи предпочитают обучению в школе труд наравне со взрослыми.

Тем не менее, медленный процесс модернизации в социальной сфере в обществе, в котором сохранение архаичных многовековых традиций является основой жизненного уклада, грозит ЮВА демодернизацией и утратой возможности обеспечения гуманитарной безопасности. Если модернизация состоит в том, что «человеческий капитал вытесняет – по объему и по значению – все остальные виды капитала, а образованные, работающие, креативные женщины и мужчины становятся главными субъектами политического процесса, то демодернизация начинается и кончается обратными процессами, делает ненужными и труд и знание»³⁴.

Заключение

Юго-Восточная Азия включает в себя страны с различными климатическими условиями, уровнями экономического и социального развития, а следовательно и разной способностью справляться с трудностями. Поэтому ответ на вопрос об оптимальном инструменте обеспечения безопасности человека в регионе и его специфике заключается в безальтернативности регионального сотрудничества. При этом акцент должен быть сделан на специфике асеановского подхода к обеспечению безопасности человека. Эта специфика

ка продиктована колониальным прошлым и особенным менталитетом стран ЮВА, фиксированном на сохранении общих ценностей и юго-восточно-азиатской идентичности. Асеановский подход ориентирован на решение проблем безопасности человека общими усилиями при уважении государственного суверенитета каждой страны.

Пандемия COVID-19 еще раз продемонстрировала: трансграничный характер угроз требует трансграничного сотрудничества. Асеаноцентричные диалоговые площадки должны активизироваться, настало время начать обсуждение возможного пути укрепления регионального сотрудничества в области безопасности человека в рамках «АСЕАН+3 (с участием Ассоциации и ее партнеров из стран СВА)³⁵. Такое сотрудничество необходимо для эффективного контроля над эпидемиями, поскольку они распространяются через трансграничную миграцию людей, животных, товарооборот. Констатируя, что это должно быть увязано с сотрудничеством на мировом уровне как внешней рамки обеспечения гуманитарной безопасности, отметим главное: действия по обеспечению безопасности человека должны быть открытыми и всеобъемлющими.

¹ Холл Д.Дж. История Юго-Восточной Азии. М., 1958; Wolters O.M. History, Culture and Religion in Southeast Asian Perspectives. Ithaca: Cornell University. N.Y., 1999; Acharya A. The Quest for Identity. International Relations in South East Asia. Oxford University Press, 2000

² The International Security Environment: 2000-2035. International Security Trends. National Academy Press, Washington, D.C. 2000. P. 32.

³ Tanaka A. Toward a Theory of Human Security//Human Security and Cross-Border Cooperation in East Asia. Ed. by G. Hernandez C., Eun Mee Kim, Yoichi Mine, and Ren Xiao. Palgrave MacMillan, 2019

⁴ Kenny S., Clark M., Fanany I., Kingsbury D. Deconstructing Aceh's Reconstruction. // Post-disaster Reconstruction: Lessons from Aceh. Ed. by Clark M. et.al. L., 2010.

⁵ Sharon W., Ahmad H., Haine J-Y. Lufgren J., Randall T. The Effectiveness of Foreign Military Assets in Natural DisasterResponse. Solna: SIPRI, 2010.

⁶ Howe B. Cyclone Nargis in Myanmar: The Perfect Storm? // //Human Security and Cross-Border Cooperation in East Asia. Ed. by G. Hernandez C., Eun Mee Kim, Yoichi Mine, and Ren Xiao. Palgrave MacMillan, 2019. P.112.

⁷ UNFAO (United Nations Food and Agriculture Organization). 2009. 'Myanmar: Post-Nargis Recovery and Rehabilitation Programme Strategy.' Accessed May 25, 2017. http://www.fao.org/fileadmin/user_upload/emergencies/docs/FAO_Myanmar_Post_Nargis_Recovery_and_Rehabilitation_Programme_Strategy.pdf.

⁸ UNFAO, 3-4.

⁹ UNFAO, 3-4.

¹⁰ UNFAO, 3-4.

¹¹ Howe B. Cyclone Nargis in Myanmar: The Perfect Storm? // Human Security and Cross-Border Cooperation in East Asia. Ed. by G. Hernandez C., Eun Mee Kim, Yoichi Mine, and Ren Xiao. Palgrave Macmillan, 2019. P. 113

¹² Thuzar M. 2015. 'Human Security and Development in Myanmar: Issues and Implications.' JICA-RI Working Paper No. 96. 2015. URL: // https://www.jica.go.jp/jica-ri/publication/workingpaper/jrft3q00000026f3-att/JICA-RI_WP_No_96.pdf.

¹³ Cambodian Red Cross // <https://redcross.org.kh/en/>

¹⁴ Ginsburg, J. A. 'How saving West African forests might have prevented the Ebola epidemic.' The Guardian, October 3, 2014. URL: // <https://www.theguardian.com/vital-signs/2014/oct/03/ebola-epidemic-bats-deforestation-west-africa-guinea-sierra-leone-liberia>.

¹⁵ Kurlantzick J. Weak and Undemocratic Governance is Dangerous for Your Health. The Globalist. 1 February 2020. URL: // <https://www.theglobalist.com/coronavirus-governance-asean-thailand-singapore-china-pandemic-health/>

¹⁶ CSIS. Southeast Asia COVID-19 URL: // <https://www.csis.org/programs/southeast-asia-program/southeast-asia-covid-19-tracker-0>

¹⁷ Sim D. Coronavirus: Singapore Sees Highest Daily Spike in Cases amid Spread in Migrant Worker Dormitories. South China Morning Post. 2 April. URL: // <https://www.scmp.com/week-asia/health-environment/article/3079280/coronavirus-singapore-sees-highest-daily-spike-cases>

¹⁸ State Counsellor says Myanmar still free of COVID-19. Myanmar Times. 16 March 2020. // <https://www.mmtimes.com/news/state-counsellor-says-myanmar-still-free-covid-19.html>

¹⁹ Press conference at Presidential Palace touches on COVID-19 issues// https://www.moi.gov.mm/moi:eng/?q=news/14/03/2020/id-21137&__cf_chl_captcha_tk__=2f0849027dea9a10d3c72939671e752019103086-1589104195-0-AU-jNgTUx4ZNsKVpqqdpjvz8xxFTEuggv5e8kPrbn4je7L31YXopG9BhFbLy6ccxE1MuF1cemZvnuIdUCrRPO3dG5vwSQLaiGiWw7ohd4j59zixPC1TLIXFhF2Hdgz89h0CoHNnmzrnYbChQXGjyA6zg-sntaQy55eEZ9almIJEDfFPzJ8WiKtC7wUarUKIW6GTDYltsHdgvPJo9av1q6hc1h8tqM6CCM2hfASc4hYH3d9V3ouiz66kNhVsLPXFdwqGHkP_OT-4kxAqMQVHx4yb-AGoN48-36D7Tp3JIHbUIhgqA1Jq7oqKMKNXsPLMxBEMUQIRXd-g2eNGSYoie4aA_xS2CFFjhhHxg0AnNICLfrerawC0BGV0nnQzrcabJppiD70RSAIBBwroGmmjILI-dWWVlaWfv8wtGTLxVGQNbqFbsb3G_DoK4yj8DI7n0wdsGj2uC-QTgjE5GHeXyxVTejpw4McQL7cBN7kufrQEK9WEKOOSY7ghdRv89L8Em21PFim5-mQ-wsh6s0qKWGwKZHZf7-UN-RzxBdk4spf

²⁰ Indonesia reports biggest daily jump in coronavirus cases. Reuters. 12 April 2020. // <https://in.reuters.com/article/health-coronavirus-indonesia-cases/indonesia-reports-biggest-daily-jump-in-coronavirus-cases-idINKCN21U09O>

²¹ Indonesia in 'worst' position as coronavirus attacks ASEAN bloc. Asian Review. 7 April. URL: // https://asia.nikkei.com/Spotlight/Asia-Insight/Indonesia-in-worst-position-as-coronavirus-attacks-ASEAN-bloc?utm_campaign=RN%20Subscriber%20newsletter&utm_medium=one%20time%20newsletter&utm_source=NAR%20Newsletter&utm_content=article%20link&del_type=3&pub_date=20200411123000&seq_num=6&si=%0%user_id%0

²² Southeast Asia's Auto Plants Limp along at 30% of Capacity Asian Review. 9 April 2020. / <https://asia.nikkei.com/Business/Automobiles/Southeast-Asia-s-auto-plants-limp-along-at-30-of-capacity/>

²³ Bank of Thailand expects country's GDP to contract by 5.3 per cent in 2020. Thai

Enquirer // <https://www.thaienquirer.com/10063/bank-of-thailand-expects-countrys-gdp-to-contract-by-5-3-per-cent-in-2020/>

²⁴ Foreigners aggressively sold Asian bonds in March on coronavirus worries. Reuters . // <https://www.reuters.com/article/asia-bonds-flows/foreigners-aggressively-sold-asian-bonds-in-march-on-coronavirus-worries-idUSL4N2B93JE>

²⁵ “World Bank. 2020. World Bank East Asia and Pacific Economic Update, April 2020: East Asia and Pacific in the Time of COVID-19. Washington, DC: World Bank. URL: // <https://openknowledge.worldbank.org/handle/10986/33477> License: CC BY 3.0 IGO.”

²⁶ Indonesia Raises \$4.3 Billion in the First ‘Pandemic Bond’. CNBC. 7 April 2020. URL: // <https://www.cnbc.com/2020/04/07/indonesia-raises-4point3-billion-in-the-first-pandemic-bond.html>

²⁷ Thailand’s Economy Was Suffering before the Virus. The Economist. 2 April. // <https://www.economist.com/asia/2020/04/02/thailands-economy-was-suffering-before-the-virus>

²⁸ Coronavirus: Malaysia Unveils Massive US\$57 Billion Economic Stimulus Package. SCMP. 27 March. // <https://www.scmp.com/week-asia/economics/article/3077270/coronavirus-malaysia-unveils-massive-us57-billion-economic>

²⁹ Southeast Asia’s Growth Potential. Economics Briefing. 2013. №2. URL: // www.dbs.com

³⁰ Официальный сайт Организации Министерств Образования Стран ЮВА. // www.seameo.org

³¹ An Army of Talented Producers and Consumers. // www.pwc.com

³² Официальный сайт Министерства образования Таиланда. // www.moe.go.th

³³ Официальный сайт Министерства образования и обучения Вьетнама. // www.en.moet.gov.vn

³⁴ См.: Эткинд А. Петромачо или механизмы демодернизации в ресурсном государстве» // Новое литературное обозрение. Ресурсы и политический порядок. Неприкосновенный запас. №88 (2/2013) // <http://www.nlobooks.ru/node/3432>

³⁵ Amitav A. Constructing a Security Community in Southeast Asia: ASEAN and the Problem of Regional Order. 3rd ed. Abingdon, Oxon: Routledge, 2014.

Статья подготовлена при грантовой поддержке факультета мировой экономики и мировой политики НИУ ВШЭ в 2020 г.

Статья поступила в редакцию 19.06.2020, принята к публикации 25.06.2020.